

**«Когда услышу “российская литература”,
тогда, пожалуй, эмигрирую»**

Вы меня простите, но у меня возникло такое ощущение, что я не совсем туда попал. Тут сидят крупные ученые, эксперты. А я писатель, занимаюсь культурой, преподаю. Наверное, и ученый тоже, но, конечно, не такого уровня, как вы. Потому могу выступить лишь как писатель, увлекающийся в научном мышлении тремя направлениями. Это диалектика, это эволюционизм, это этология.

Мне очень нравится слово «консерватизм». Вот я люблю Шахназарова и, когда он выступал, я полностью с ним согласился в том, что слово надо менять, потому что молодежь оно не привлечет. Но когда Шахназаров ушел, я освободился от этого гипноза и подумал: а почему это оно не привлечет молодежь? Молодежь у нас разная, есть и очень талантливая.

Мне очень нравится слово «консерватизм». Но следует учесть, что я диалектик, а это – западное влияние (в России диалектику традиционно плохо понимали, здесь действуют другие механизмы; в России если диалектика и имела место, то противоборствующего типа). Поэтому я могу лишь поделиться своими ощущениями по поводу того, что возникло в моем творческом сознании после того, как я услышал слово «консерватизм» в блестящем выступлении В.В. Путина. У меня возникло чувство, что наконец и обо мне вспомнили, и о детях моих, и о школе вспомнили, и о будущем подумали, потому что оно может быть очень мрачное. Есть такая точка зрения, опирающаяся на Тойнби и на младшего Гумилева, о том, что национальные организмы живут максимально 1200 лет. Я посчитал: 862-й плюс 1200, получается, что в 2062-м будет конец нации. Но это я вас провоцирую, потому что в России в действительности имеет место намного более сложное движение.

Девять пунктов у меня, и постараюсь очень кратко выступить, потому что основные мысли уже прозвучали. Под замечательными пятнадцатью пунктами я готов подписаться, за исключением, пожалуй, пятого – о том, что Россия это самостоятельный центр цивилизации. Я его дополнил бы. Безусловно, мы самостоятельные, но наша основная функция заключается в том, что мы мост. Мы посредники, послы между двумя колоссальными метатрадициями.

В.А. Никонов. *А вы пробовали жить на мосту?*

Ю.П. Вяземский. *Это зависит от того, кто его охраняет и как он построен. И действительно ли он мост или только прикидывается, что мост и что мы сами по себе.*

Я уже сказал, что являюсь эволюционистом. Вы все ученые люди, и вам не надо объяснять, что такое филогенез – генетическое наследование. Это как река, тут мало что можно контролировать. Геббельс пытался контролировать и выращивать нацистскую германскую нацию – кончилось всё плачевно. Американцы наблюдают за этим очень внимательно, но активно не вмешиваются. Они вообще так устроены – в Америке непрестанно идет обновление филогенеза. Но помимо филогенеза есть колоссально важная для нас сфера – онтогенез. То, что не передается по наследству, то, что наследуется после того, как существо появляется на белый свет. Здесь и школа, и культура. Здесь закладывается то, что я назвал бы культурно-историческим кодом. Это наше, человеческое, лицо. Потому как филогенез хорошо работает и у животных. У них он работает намного лучше, чем у нас. Там есть и тормозы различные, которые спасают от трагедий. А человек все-таки существо более свободное.

Теперь второе наблюдение. Александр Николаевич Привалов замечательно выступал – нарисовал такую картину, что я готов был аплодировать, и улыбался, и смеялся. Для меня это была сатира на наше образование. Очень острая, очень циничная, очень односторонняя и очень правильная. Как сатира. Итак, второе мое наблюдение заключается в том, что образование и воспитание должны соединяться, так как по своей сути они неразрывны. Я посмотрел латинско-русский словарь: «эдукацию» – это не образование, это именно воспитание. То есть римляне плохо различали, как можно воспитывать и не образовывать. На эту тему надо подумать, потому что речь идет не только о гуманитарной сфере, а должно быть и математическое воспитание, и физическое воспитание, и химическое воспитание. Потому что без этого воспитания не вырастить даже хорошего специалиста.

Третье, на что хочу обратить внимание. Об этом часто забывают. В свое время гениальный психолог Зигмунд Фрейд впервые заговорил об этих трех слоях человеческой психики. Потом мой отец, Павел Васильевич Симонов, стал немного Фрейда уточнять. При воспитании, при образовании, при культуре мы очень часто забываем, что сознание у нас – это всего лишь небольшой слой, а громадный слой – это наше бессознательное, туда мы, слава Богу, не можем вторгнуться, оно живет по своим законам и нам ничего о себе не говорит. Но есть очень интересный в воспитании слой, который называется предсознание, по Фрейду. Американцы потом это всё переверли и назвали подсознанием. Это не только подсознание, это еще и предсознание. И чрезвычайно велика роль подражательного обучения, не только поведения, но и обучения. Я в своих учениках видел, что самые способные не столько записывали мои лекции, сколько пытались мне подражать. Подражать в чтении лекций, в каких-то других вещах. Я сначала этим очень гордился, но потом увидел, что они, к сожалению, подражают не только тому, что во мне хорошего, но и быстро перенимают

то, что плохое. При устройстве образования, при развитии культуры образования на это надо обращать внимание.

Четвертое мое ощущение: образование, культура образования – это непрерывный процесс. Он должен состоять из органического соединения минимум трех стадий. Главная стадия – семья. Потому что именно там всё закладывается. Там закладывается речь, там закладывается культура, там закладываются ценности. Когда я недавно смотрел, как мои маленькие внуки в церковном хоре поют, то понял, что там уже присутствует система координат, уже заложен культурно-исторический код. И попробуй его сломай. А если он не заложен, в них может что-то другое поселиться. Среди умников одна треть, а иногда и половина – это неполные семьи. Так у нас основной образовательный центр страдает. Значит, школа должна помочь.

Александр Николаевич Привалов правильные вещи говорил – школе очень трудно. Я когда-то занимался конкуром, на лошадях, поэтому школу готов сравнить с конкуром. Ставится препятствие, а ты его должен преодолевать. И так неожиданно ставится – почти как в электронных играх, – директор не ожидает, какое ему препятствие поставят. С одной стороны, это, конечно, безобразно, с другой – довольно положительно, потому что выживают те школы, где директора и учителя умеют преодолевать препятствия. Хорошо развивается интеллектуальный школьный конкур. Возникло препятствие – ты его берешь. Если у тебя есть единение с лошадью.

Мы вчера разговаривали с политологом Марковым, разрабатывали специальные термины, такие, как «агора». Потому что не хочется говорить «майдан». Эта система – семья, школа, вуз, причем вуз для меня менее значим, чем школа и тем более чем семья, – она еще должна учитывать все внешние воздействия, которые идут и со стороны площади (агора), чтобы дети с площади не перешли на майдан. Естественно, это связано с политикой, с различными объединениями – детей надо к этому готовить, а система должна с ними взаимодействовать. У нас, к сожалению, сама эта система сейчас совершенно разрушена.

Пятое ощущение. Сверхзадача для всякого воспитателя – определить две вещи. Во-первых, для чего ребенок появился на Божий свет – что в нем главное. Мой отец называл это «доминанта жизни». То есть – кто он? Во-вторых, к чему у него есть способности. Потому что часто бывает, что человек чем-то очень интересуется, но у него для этого нет никаких способностей, а там, где способности есть, ему неинтересно. И основная задача воспитателя, начиная с первого звена и до последнего, помочь юному существу, потом отроку, а иногда и студенту определить свой главный интерес и вооружить способности, если они есть. Для этого, в общем, всё и существует.

Шестое ощущение – решить, кто нам нужен. Я когда-то разговаривал с Фурсенко и понял из нашего разговора, что его больше всего интересует потребитель знаний... Я прекрасно понимаю, что мир устроен так, что есть художники, те, которые развивают мышление, развивают науку, развивают культуру, всё развивают. Но их довольно мало. Есть мастера. Их должно быть больше. Есть Шахназаров, а есть другие режиссеры, которых должно быть много, которые производили бы средние,

но хорошие фильмы. Таких же, как Шахназаров, мало. Они рождаются в небольших количествах. И, наконец, нужны, я тут с Фурсенко совершенно согласен, потребители. Грамотные, образованные, воспитанные. Это колоссальная задача. Но при этом ни в коем случае нельзя забывать, что существует три разряда людей. Эти три разряда генетически совершенно разные. И потому их совершенно по-разному надо готовить.

Вспоминаю беседу с одним интересным человеком. Когда-то он переквалифицировался и стал ученым, потом в 1943 году воевал в американской армии. У него был маленький взвод, у него был самолет, у него был джип. И с этим взводом была высадка в Италии. Ему была поставлена задача – перед тем как американские войска войдут в город, начнут его освобождать, он должен был по своей картотеке найти самых интересных ученых, художников и вообще талантливых людей, вывести их из-под обстрела. Джип. Самолет. The beautiful United States of America. Где для этой прослойки созданы идеальные условия. Где верхняя прослойка творцов и художников работает великолепно. Я горжусь Россией, но нобелевские лауреаты в основном не у нас. Они умеют их выращивать, а мы нет. И когда я слышу, что нужны потребители, потребители и потребители... Я за ЕГЭ. Это хорошее дело. Но это третий уровень. Так, проверить кое-что. Помимо ЕГЭ должны быть и другие уровни проверки, другие экзамены. А иначе мы дойдем до того, что, отвечая на вопрос «Что такое скрипка – щипковый инструмент, струнный инструмент, ударный инструмент, духовой инструмент?», я пишу «струнный» и поступаю в консерваторию. Но надо же еще отличать «ре» от «до» и «до» от «ля».

Седьмое. Готовить надо прежде всего учителей-воспитателей. Для меня главная фигура во всей этой системе подготовки, конечно, директор. Когда хороший директор, тогда работает школа. Директор – это главнокомандующий, потому что он собирает состав учителей. У нас тяжелое положение в школе. И подготовить миллион хороших учителей – а нам нужен миллион хороших учителей – невозможно, это бешеные деньги и колоссальные временные затраты. Но помочь хорошим, успешным, продуктивным директорам намного проще. И найти школе по крайней мере воспитателей, которые бы учили и воспитывали... Раньше это называлось «классный руководитель». Что такое классный руководитель? Это воспитатель, которого никогда не убьет его ученик, как недавно произошло...

Восьмое – консервативные традиции. Россия удивительно консервативная страна, что бы там ни говорили. Ну, с Ивана Грозного – это точно. Иногда просто вздрагиваешь: Господи, это ведь всё было уже. И это есть, и это есть, и менялось то, менялось это, а всё равно поведение, культурно-исторический код остаются теми же самыми. У нас есть великие традиции. Традиции, которые отличают нас от других народов. Я в этом всё больше убеждаюсь, особенно когда работаю с иностранцами и заставляю их писать различные провокационные тексты, где сравниваю русский национальный характер (понимаю, что термин условный) с другими характерами. И вижу, что они выделяют в качестве отличий от других характеров. Все одинаково выделяют наши положительные свойства и также одинаково – отрицательные.

Консерватизм – это замечательнейшая вещь, но давайте подумаем, что в своем культурно-историческом коде нам следует сохранять, а что – не следует. Потому что, например, такая антиценность, как воровство, это у нас самая что ни на есть консервативная ценность, которая пришла еще от древних викингов («вейцле» – то же, что «кормление»). Я сначала немного вздрагивал, а потом привык, когда Путин и Медведев стали бороться с коррупцией, потому что был убежден, что у нас такого явления нет. Что мы еще до коррупции не дошли. Это свойственно более развитым демократическим обществам или, наоборот, более испорченным демократией обществам. Я демократию очень не люблю, она в 399 году ни за что убила моего любимого учителя Сократа. Вначале убила, а потом рвала на себе волосы и свирепствовала в отношении тех, кто обвинил Сократа, потому что они не хотели убивать, но вынуждены были, по демократическим традициям, убить. Там закон был такой совершенно черный...

Что же касается коррупции, то у нас вместо нее есть одна традиция – кормление. Назначают чиновника и платят ему мало денег. Он должен как-то работать, у него есть семья. Вот замечательный пример: матушка Екатерина Великая получает письмо от одного полковника: «Матушка дорогая, не вели казнить, вели миловать! Семью содержать не на что, столько-то детей...». Она вызывает Храповицкого, своего секретаря, спрашивает: что это за дурак? Я ему полк дала, а он семью накормить не может. Быстро снимай его с полка... Матушка очень хорошо всё понимала. У тебя же полк. Ты же в России. Еще одно наше явление, вообще неистребимое, это протекция, тут денег нет, вообще не поймешь.

Хорошо бы понять, какие традиции стоит сохранять, а какие надо иссекать, истреблять, выдавливать по капле. Мы удивительно традиционное общество. И потому надо действовать осторожно. Мы за десять лет не победим воровство. Оно будет, потому что оно в нашем национальном характере, и мы даже не понимаем, что ворует. Но надо как-то так вести дело, чтобы воровство остановилось на уровне 10% и нельзя было воровать, как раньше.

Я хотел бы еще сказать о целях, которые сегодня стоят перед российским консерватизмом. У меня их получилось пять. В первую очередь нужно сохранять культурно-исторические традиции, составляющие основу национального характера и национальную идентичность России в экономической, политической и гностической (наука, искусство, религия, философия) областях.

Вторая цель – защищать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции от явлений, чуждых нашему культурно-историческому коду и могущих ущемить, нарушить и в длительной перспективе разрушить если не всю нашу культурно-историческую идентичность, то некоторые ее важные сегменты. Говоря словами Достоевского, традиционная особая русская переимчивость не должна вырождаться в обезьянничанье. Тем паче, если это обезьянничанье наносит урон нашему культурно-историческому иммунитету.

Третье – очищать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции от непродуктивных и вредных для нашего культурно-исторического кода явлений, присущих русскому национальному характеру и российской действительности в широком

смысле. Примеры широко известны, описаны в русской классической литературе и сочинениях российских философов.

Следующая цель – это развивать наши экономические, политические и гностические культурно-исторические традиции применительно к изменяющимся историческим условиям. В этом прежде всего заключается продуктивность предлагаемого консерватизма, который, опираясь на достижения прошлого консерватизма, ни в коем случае не ограничивается ими, а представляет собой движение вперед, «на плечах гигантов», диалектически сочетая в себе охранительное и прогрессивное начала, тенденции сохранения, возрождения, развития и открытия нового.

Наконец, пятая цель – сотрудничать с различными течениями и идеологиями, беря от них то, что не противоречит нашим культурно-историческим ценностям, обогащает, развивает и разнообразит наш культурно-исторический код.

И последнее. Глубоко убежден, что основа нашей культуры, ее основное достижение – это русская литература и наш язык. С точки зрения мировой арены, нигде мы не достигли таких вершин, как здесь. И это надо хранить как основное достоинство. Долгое время президенту морочили голову, говорили, что основное – это экономика, экономика, экономика. А в науке – это прикладная наука. И нет рядом мудрецов, которые объяснили бы, что прикладная наука вытекает из фундаментальной, а фундаментальная наука, в том числе даже физическая, – из общего культурного объема человека, его ориентации в пространстве. Один из трех гениальных физиков, Нильс Бор, утверждал, что вышел на принцип дополнительности, читая Сёрена Кьеркегора – литератора, мистика, философа. Догму о троичности он изучал по Кьеркегору, и из этого родился принцип дополнительности. Нельзя это всё расчленять. И это тоже консерватизм и сохранение нашего богатейшего культурно-исторического кода. Иначе мы не выживем, разрушимся, у нас появится акцент...

А.В. Будяк. Подпишусь под каждым словом, которое сказал уважаемый Александр Николаевич (Привалов. – *Ред.*) о вопросах школьного образования. Я работаю директором школы. Школа достаточно успешная, порядка 90 миллионов годовой бюджет. Более шести миллионов мы зарабатываем дополнительными платными услугами. Шесть активных иностранных языков. Серьезная военно-патриотическая работа, кадетские классы под патронатом Следственного комитета. Из выпускников 2013 года шестеро – ваши первокурсники, по итогам ЕГЭ и внутреннего экзамена МГИМО. Средний балл ЕГЭ по русскому языку у нас высший в Ставропольском крае – 86 баллов. Вы сказали, что хорошо относитесь к ЕГЭ. Мы боремся с коррупцией, и чем глубже в регионы, тем борьба идет, скажем так, острее. В этом году ожидаются: камера видеонаблюдения в каждой аудитории, металлоискатели и милиция. Вопрос о разрушении нашего генофонда. Как ребенок будет себя чувствовать в этих условиях? За что наказывают наших детей? Мы боремся со взрослыми, а отвечают дети.

Ю.П. Вяземский. Вы меня, видимо, не совсем поняли. Я к ЕГЭ не могу хорошо относиться. Я просто хотел подчеркнуть, что поскольку столько сил уже затрачено... Когда все сконцентрированы на ЕГЭ, меня это убивает, мне это напоминает ситуацию с «Титаником»: наверху этот ЕГЭ, под ним колоссальный айсберг, на котором мы все потонем. Пускай оно где-нибудь будет это ЕГЭ, коль столько сил на него потратили, пускай это будет некий IQ-тест или еще что-нибудь. Но нельзя, например, в МГИМО принимать по ЕГЭ. Нельзя. Я собственными глазами видел юношу, очень симпатичного, не буду называть республику, – 100 баллов по русскому языку. В слове «заявление» две ошибки.

Я против того, что у нас ЕГЭ стало мерилom всего. Но, с другой стороны, понимаю, что это Россия, – я уже извинялся за то, что я диалектик. Для России нехарактерна диалектика – мы уж если берем крен направо, то направо, если налево...

В.А. Никонов. Я как председатель Комитета по образованию Государственной Думы тоже скажу... Я в ЕГЭ вижу только один большой смысл – сразу шесть ваших выпускников никогда не поступили бы в МГИМО. Это шанс ребятам из глубинки поступить и учиться в лучших вузах. Количество людей не из Москвы, поступающих в московские вузы, в последние годы увеличилось в три раза, и это благодаря ЕГЭ. Если говорить об отрицательных сторонах ЕГЭ, главные отрицательные стороны – это то, что система ЕГЭ не стимулирует детей изучать весь набор предметов. Они изучают математику и русский и что-то еще (один или два предмета). Недостаток и то, что нет стимулов учиться ни говорить, потому что ЕГЭ весь письменный, ни реально писать, потому что сочинения не было. Сейчас общая линия направлена на совершенствование системы ЕГЭ, и заменять эту систему было бы безумием. Правильно ведь?! ЕГЭ – плохо, но отмена ЕГЭ – еще хуже. Значит, сочинение возвращается, да?! Скорее всего будет портфолио, где будет средний балл аттестата, что дает стимул изучать не три-четыре предмета, а все. Плюс к этому – введение устного компонента в экзамен по языкам: по иностранному и, возможно, по русскому. И в содержательном плане ЕГЭ будет лучше работать. Что же касается вашего вопроса по поводу стресса у детей, ну да, это стресс, наверное, если камера будет. Кстати, вот в Китае это всё давно есть. И там помимо этого еще в каждой школе установлена глушилка, которая

мобильную связь глушит в окрестностях. Понятно, что это более стрессовая ситуация, но, на мой взгляд, это шаги в правильном направлении. Потому что сокращается возможность для злоупотреблений, для коррупции.

Ю.П. Вяземский. В консерватории, когда будут на скрипках играть, тоже глушилки установят.

В.А. Никонов. Насчет консерваторий. Правильно вы сказали, что нельзя в МГИМО и МГУ принимать по ЕГЭ. Есть возможность введения дополнительных испытаний, так же как и в консерватории.

Ю.П. Вяземский. В творческих вузах возникла колоссальная сложность – должен вам доложить как председателю Комитета. Они идут на подлоги, когда хотят взять талантливого человека, а у него с ЕГЭ безобразия. Они вынуждены выкручиваться, чтобы его взять. То есть он рожден актером, а его взять почти невозможно, потому что у него ЕГЭ плохой.

В.А. Никонов. Ну, это и раньше нельзя было взять, и натягивали. Введите дополнительное испытание, я тоже декан факультета в МГУ, факультета государственного управления. У нас дополнительное испытание по математике. Вот и всё, ребята со стобалльными аттестатами просто не проходят.

О.Х. Авдыш. Прошу прощения, хотел задать вопрос Юрию Павловичу и отреагировать на ответ, на то, что сказал Вячеслав Алексеевич по поводу ЕГЭ. Я не педагог и к преподаванию имею весьма опосредованное отношение, но целеполаганий при введении ЕГЭ было два – борьба с коррупцией и социальный лифт. Это всё равно... как моряк могу

сказать так: секстаном можно орехи колоть, но лучше все-таки поправку на солнышко брать. Коррупцией должно заниматься МВД, а социальными лифтами – Минсоцразвития или какая-то другая система. Конечно, можно и при помощи ЕГЭ поднимать социальный лифт, но, мне кажется, это не его функция. Если мы говорим о том, что функцию обучения и воспитания нужно вернуть в школу, то по итоговым результатам ученика можно понять, на каком он уровне находится, а не социальный лифт ему организовывать и бороться с коррупцией. Просто инструментарий не тот для решения важных проблем.

И вопрос Юрий Павловичу. По поводу русской культуры и русского языка вы очень хорошо сказали. Мы вчера говорили о русскости, о том, что русская цивилизация впитала много других языков, народностей. Сейчас почему-то о русскости говорить становится стыдно, и мы, нерусские, очень часто ставим вопрос о том, что русский народ должен быть государствообразующим. И если мы потеряем государствообразующую роль русского языка и русской культуры, мы потеряем то государство, которое они образуют. Почему Европа говорит на английском – немецкая Европа, французская Европа, – нормально говорит, и никто этого не стесняется, а Украина и Казахстан не хотят говорить на русском, и мы стесняемся продвигать этот язык?

Ю.П. Вяземский. Русская нация является образующей, и что бы там ни говорили и как бы ни выступали, это так и есть. Некоторые народы очень амбициозны, некоторые – просто маленькие. Чего их обижать и говорить «русская, русская, русская»? Мы и так есть. Об этом уже замечательно написано. Вот когда я услышу «российская литература», тогда я, пожалуй, эмигрирую туда, где будут

говорить «русская литература», потому что «российской литературы» нет, есть великие русские писатели и поэты. Среди них я могу назвать таких людей, как Пастернак, Мандельштам, Бродский. Великий русский поэт. Если бы он был великий еврейский поэт, он писал бы либо на идиш, либо на хибру. А он мыслил, он жил там, у него строки пропитаны этим. Так же как великий русский писатель был Гоголь – он на русском писал.

Н.Г. Куликовских. Даже не знаю, как сформулировать вопрос, потому что вы говорили, Юрий Павлович, о традициях, о воспитании. А как вы смотрите на то, что у нас в России уже давно всё воспитание очень женское? Неполные семьи, детские сады, школы. Наверное, в вузах чуть получше. Но вообще воспитание – абсолютно женское.

Ю.П. Вяземский. Замечательно, я радуюсь этому. Это женская страна, и масса философов меня поддержит. В современном контексте, это так хорошо, что не воспитывают родитель № 1 и родитель № 2. Женщина все-таки – мать. Для России это чрезвычайно важно, потому что Россия прежде всего художественная страна. Это наше основное, художественное, лицо, в отличие, например, от германской культуры – там рациональные люди. Мы – художественные и мы – от сердца. А самый мудрый пол – это, конечно, русская женщина, сердечно мудрая.

Н.Г. Куликовских. Ну, за это бесконечное спасибо от всех нас, но, с другой стороны, все-таки мальчики с шестнадцати-семнадцати лет надо чтобы мужами становились, имея пример для подражания.

Ю.П. Вяземский. С мужиками сложно.

О.Ю. Васильева. Я могу обратиться, отец Тихон, к вам?

Архимандрит Тихон (Шевкунов).

Я уже сказал об этическом примате в консерватизме. Просто напомним об этом: все-таки дух творит себе формы. И весь политический консерватизм, и общественный консерватизм должен выходить в первую очередь из силы привитых народу, воспринятых полностью этических ценностей.

Была небольшая дискуссия по поводу термина «консерватизм». Я посмотрел, что есть по поводу консерватизма в словаре синонимов. И вот какие слова... Мне тоже нравится слово «консерватизм». Но давайте посмотрим: косность, рутина, закостенелость, затхлость, рутинность, рутинёрство, твердолобость. Не обращать на это внимание нельзя. Просто оставить этот термин было бы преждевременно. Или его надо максимально раскрыть, чтобы люди поняли, что это такое, и полюбили его, и увидели его высоту так же, как видим мы. Или снизить всё же до того, что не только наша песочница существует. И думать, и думать, и думать еще.